

Я повернулся, и Итачи провел пальцами по моим волосам, собрав бахромку по обе стороны от лица и откинув ее назад, а остальные волосы распустил. Он завязал ленту бантом, и, когда он закончил, я энергично тряхнул головой, чтобы проверить, насколько хорошо она держится на месте. Как ни удивительно, она держалась и не лезла в глаза.

"Чем ты так занят, что забыл о собственном дне рождения?" - спросил Итачи. спросил Итачи.

Я рассказал ему о своем интересе к медицинскому ниндзюцу, упражнениях по контролю чакры и книгах, которые читал.

"Это все очень продвинуто", - сказал он, почти повторяя слова Микото.

Я покраснел и опустил глаза.

"Я ничего из этого не умею", - сказал я. Я поднял словарь. "Я даже половину не могу прочитать".

"Со временем научишься", - сказал Итачи. И если бы не предстоящая через три года резня, он, возможно, был бы прав.

"Ты знаешь медицинское ниндзюцу?" спросил я. Итачи никогда не проявлял к нему видимого интереса, но мне показалось, что он должен разбираться в этом.

"Совсем чуть-чуть", - признался он, вставая. "И у меня еще нет достаточной подготовки, чтобы использовать его на других". Да ладно. Это твой день рождения. Ты не должна проводить его в своей комнате".

Итачи взвалил меня на спину и понес на улицу, где Сасукэ тренировался с кунаем под присмотром Микото. Она кивнула Итачи и вернулась в дом, довольная тем, что Итачи присмотрит за нами.

"Эй, Нии-сан, посмотри-ка!" крикнул Сасукэ, когда Итачи усадил меня на веранду. Сасукэ взял два куна, по одному в каждую руку, и метнул их сразу оба. Один из них попал в цель, а второй пролетел в нескольких сантиметрах. Лицо Сасукэ опустилось. "А ведь я мог бы сделать это и с деревянными".

Металлические кунаи отличались от своих деревянных собратьев. Они были тяжелее и имели другой баланс. Чтобы бросить их, требовалось больше силы, и они действительно прилипали к цели, а не отскакивали.

"Попробуй еще раз, но вложи в бросок левой рукой чуть больше силы", - сказал Итачи.

Должно быть, у Итачи было праздничное настроение, раз он давал советы по технике ниндзя. Впрочем, ничего особенного в этом не было. Создавалась иллюзия обучения, а на деле просто закреплялось то, что мы уже знали. Впрочем, Сасукэ, похоже, был доволен. Я откинулся на спинку кресла и вытянул ноги, задумчиво наблюдая за Сасукэ.

В последние несколько месяцев Итачи все чаще и чаще пропадал, и хотя я был поглощен своими занятиями, я не замечал, как увеличивается пространство между нами. Вокруг Итачи всегда существовал некий пузырь. Он был отделен от своих сверстников и семьи своим гением, но это была не единственная причина. Было много аспектов жизни в Конохе, с которыми он просто не был согласен. Было ли ему с кем поговорить? Возможно, с Шисуи. Несмотря на все время, что мы играли вместе, и все его нежные улыбки в адрес Сасукэ и меня, он никогда не признавался нам.

Ну, один раз после смерти товарища по команде, но это было исключением, кратковременной трещиной в броне, которую он быстро заделал. И это было справедливо. Нам было всего пять лет, и он, вероятно, не хотел, чтобы мы несли то бремя, которое выпало на его долю в этом возрасте.

"Что случилось, Киё-чан?" - спросил Итачи, его глаза были нежными и обеспокоенными. Я и не заметила, что нахмурилась, но Итачи явно заметил. Я незаметно огляделась по сторонам.

"Ты обещаешь не рассказывать?" тихо спросил я. Это вызвало у него интерес, и его улыбка расширилась.

"Обещаю", - сказал он. Я наклонилась поближе.

"Я не уверена, что хочу быть куноичи", - пробормотала я, едва слышно выдохнув воздух. Обычному человеку было бы трудно это услышать, но Итачи был шиноби.

Его улыбка стала грустной.

"Быть ниндзя - это честь и честь для клана", - сказал он, хотя и с гораздо меньшей убежденностью, чем это сделал бы Фугаку.

"Я знаю", - сказал я. "Но я просто думал об этом, о том, что все это значит. Сейчас мы тренируемся с кунаем, бросая его в мишени, но однажды мы будем бросать его в людей. В таких же, как мы. В людей, у которых есть матери и отцы, братья и сестры, кланы и друзья. У них будут надежды и мечты, верно? Они не захотят умирать. Но мы будем сражаться, и в конце концов один из нас должен будет уйти. Может быть, это будут они. Может быть, я. И зачем? Потому что так сказал клиент? Потому что так сказал Хокаге? Это как-то неправильно".

Сомнение в Хокаге граничило с предательством, но я был достаточно молод, чтобы это сошло мне с рук.

Возможно.

"Мы сражаемся, чтобы защитить важные для нас вещи", - сказал Итачи. "Нашу семью, наших друзей и наш дом".

Возможно, в идеальном мире так и есть.

Но реальность жизни шиноби была совсем другой.

"И почему они хотят причинить нам вред?" спросил я.

Итачи посмотрел в небо.

"Те, кто ужасно страдает, могут наброситься даже на тех, кто не сделал им ничего плохого", - сказал он. "Те, кто боится, могут поступить так же. А некоторые могут принести боль и смерть другим ради эгоистичных целей".

Цикл насилия.

"Я не хочу никому причинять боль", - сказал я, и Итачи снова посмотрел на меня, выражение его лица было странно усталым.

"Я знаю", - сказал он. "Я тоже не хочу никому причинять боль".

Но он сделает это. Он причинит боль всем, кто был ему дорог.

"Как ты думаешь, драки когда-нибудь прекратятся?" спросил я со всей своей детской наивностью. Итачи убил своего первого врага, когда ему было четыре года. Он видел, как на его глазах умирает товарищ, а вскоре он уничтожит всю свою семью, чтобы защитить Сасукэ.

"Может быть, когда-нибудь", - сказал он, и я не мог понять, была ли это ложь или его наивная надежда.

Так или иначе, мы сидели в тишине и смотрели, как Сасукэ собирает свои кунаи, готовый повторить попытку. Возможно, когда-нибудь наступит мир, но пока наш брат оттачивал свое умение убивать, и никто из нас не мог ему помешать.

...